

В.В. Сидорин

О дурной бесконечности, или История отечественной философии на исходе первой четверти XXI века

Сидорин Владимир Витальевич – кандидат философских наук, научный сотрудник, руководитель сектора истории русской философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vlavitsidorin@yandex.ru

На протяжении второй половины 1980–1990-х гг. отмечался ярко выраженный всплеск интереса – как широкой общественности, так и профессионального сообщества – к истории русской философии. Однако к началу XXI в. этот интерес остался фактически лишь у тех, кто так или иначе связал с этой предметной областью свою профессиональную траекторию. При этом речь, как правило, шла об историко-философских исследованиях: вопрос об отечественном философском наследии как пространстве критической и творческой рецепции как будто даже перестал ставиться – «эпоха возвращения имён» сменилась разочарованием. К этому привёл целый комплекс болезненных и сложных причин: оформившаяся в качестве доминирующей стратегия механического воспроизводства, в значительной степени блокирующая распространение интерпретационных инноваций; обнаружившийся концептуальный и методологический разрыв отечественной философии (как её наследия, так и современного на тот момент профессионального сообщества) с современной философской мыслью; ложный резонанс между культурно-исторической ситуацией эмиграции, во многом определившей её консервативные стратегии в области философии и её историографии, и новой, остро переживаемой политической и культурной эпохой; радикальная политизация русской философии, вновь и вновь навязывающая бинарную логику в оценке современных перспектив отечественной философской истории. В 2000-е гг. ситуация усугубилась своего рода корпоративным разломом, а также целым рядом иных обстоятельств – снижением напряжения соответствующей историко-философской работы, общим дефицитом амбициозных исследовательских программ, давлением наукометрической политики, «удачно» совпавшей с иллюзорной доступностью отечественного философского наследия. В конечном итоге на исходе первой четверти XXI в. история русской философии как научная и научно-образовательная дисциплина существует преимущественно в трёх пересекающихся модусах – юбилейно-мемориальном, политико-идеологическом и спекулятивно-инерционном, каждый из которых основывается на ретроспективном векторе. Преодоление кризиса истории русской философии могло бы быть связано с последовательной ревизией моделей и языков описания, созданных предшествующей историографией, отказом от радикальной политизации отечественного философского наследия, переформатированием дисциплинарного ландшафта через превращение академического историко-философского освоения и научной актуализации в современном философском контексте в базовые исследовательские стратегии.

Ключевые слова: история русской философии, русская философская эмиграция, «эпоха возвращения имён», канон, деполитизация философии, искажение историографической перспективы, реконтекстуализация

Для цитирования: Сидорин В.В. О дурной бесконечности, или История отечественной философии на исходе первой четверти XXI века // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 3. С. 5–16.

С середины 1980-х гг. по мере обвального ослабления идеологического контроля начинается резкий всплеск исследовательского и читательского интереса к истории отечественной философии, в частности к истории русской религиозно-философской традиции. Следует отметить, что этот интерес был более или менее стабильной величиной и в предыдущие десятилетия: многочисленные и разнообразные мемуарные свидетельства фиксируют распространение в среде советской гуманитарной интеллигенции практики читательского обмена уцелевшими изданиями отечественных религиозных философов; религиозно-философская мысль, в том числе российская дореволюционная и эмигрантская, составляла и достаточно заметную часть самиздата. При этом практики чтения соответствующей литературы, неформальные дискуссии вокруг неё имели отчётливые черты политической контркультуры¹. Однако именно во второй половине 1980-х гг. история отечественной философии в её разнообразии начинает активно входить в легальное исследовательское, издательское и читательское пространства. Всплеск развития отечественной философской литературы второй половины 1980–1990-х гг. ещё ждёт своих исследователей, но даже поверхностный взгляд на этот период позволяет сделать вывод о том, что история русской философии находилась в фокусе внимания философской периодики, соответствующего интеллектуального сообщества и научно-гуманитарных издательских процессов. Однако к началу нулевых годов этот процесс сошёл по большому счёту на нет: интерес к истории русской философии остался преимущественно у тех, кто так или иначе связал с ней свою профессиональную академическую траекторию, причём речь шла, как правило, об историко-философских исследованиях – вопрос о возможностях отечественной мысли прошлого как пространства критической и творческой рецепции и возможной точки опоры (не единственной, но в числе прочих) для работы в области актуальных философских дискуссий как будто уже и перестал ставиться.

Ещё в начале 2000-х гг. были отчётливо зафиксированы как проблемы с преподаванием истории русской философии, так и необходимость качественно иного этапа работы с отечественным философским наследием, свободного от восторженных ожиданий и игнорирования необходимой – даже с точки зрения здравого смысла – критической дистанции². Примечательно, однако, что прошедшая двадцать с небольшим лет спустя на страницах журнала «Отечественная философия» дискуссия о проблемах и перспективах истории русской философии как учебной дисциплины показала, как кажется, что за этот достаточно заметный промежуток

¹ Не с этой ли контркультурностью (по крайней мере, отчасти) были связаны и те – как сейчас видится со всей определённой, во многом наивные – надежды и ожидания на новые смыслы и новое пространство для философствования, которые должна была принести, но не принесла «эпоха возвращения имён».

² См., напр., соответствующую дискуссию во втором номере «Неприкосновенного запаса» за 2002 г. (Плотников Н. Философия для внутреннего употребления // Неприкосновенный запас. 2002. Вып. 2 (22); Козырев А. Русская философия: model d'emploi // Там же; Кырлежев А. Русская религиозная философия: около церковных стен // Там же. URL: <https://web.archive.org/web/20031219155723/http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/> (дата обращения: 24.08.2024).

времени ситуация в лучшем случае просто не изменилась – ворох обозначенных проблем остался в общем и целом в неприкосновенности³.

Даже не имея склонности переоценивать общее состояние современного российского философского сообщества, имеющего, как кажется, заметный дефицит амбициозных проектов и начинаний, низкий уровень координации исследовательских усилий и развития соответствующей институциональной инфраструктуры, приходится отметить, что история русской философии превратилась в одну из наиболее маргинальных областей философских исследований: чаще всего она либо по умолчанию выводится за скобки, либо существует в очень своеобразном режиме, когда высказывающийся усиленно делает вид, что находится в дореволюционном Петербурге, эмигрантских Берлине, Праге, Париже 1920–1940-х гг. (при этом, как правило, превратно, упрощённо и плоско понимая контекст и ситуацию «изначального высказывания»), а не в России на исходе первой четверти XXI в. Эпоха ожиданий и надежд сменилась разочарованием⁴.

Не претендуя на сколь-нибудь удовлетворительную полноту, рискнём тем не менее высказать несколько соображений по поводу того, почему так произошло и как история отечественной мысли могла бы преодолеть удушающую ситуацию зажатости между пренебрежением и бесплодными спекуляциями.

Как сейчас кажется со всей определённой, пресловутая «эпоха возвращения имён» сопровождалась не всегда осознаваемой надеждой на то, что механическое воспроизводство, простая ретрансляция в новом – достаточно резко изменившемся – контексте понятий и смыслов, созданных отечественной философской мыслью в прошлом, приведёт к тому, что они заживут новой жизнью, станут неотъемлемой частью текущих философских и научно-исследовательских дискуссий. Как будто бы казалось, что достаточно вернуть ранее недоступные по внешним причинам тексты, и их авторы чудесным образом станут нашими полноправными современниками. Хотя и раздавались громкие и резкие предупреждения. Аккуратно оговариваясь в предисловии к «После перерыва. Пути русской философии» (1994), что дальнейшее развитие русской философской мысли возможно «...и в установке бережного продолжения, и в установке критического неприятия возвращённой традиции»⁵, С.С. Хоружий тем не менее отчётливо формулирует необходимость дальнейшего движения, а не простого повторения, предпочитая дистанцироваться от излишней апологетики своих более ранних по времени статей (составивших первую часть сборника) и бросая хлёткое «мародёры» в адрес попыток простых, следующих за вывертами конъюнктуры, спекуляций на тему истории русской философии на основе «заранее заданного отношения»⁶. Откликаясь на его книгу, В.В. Библихин в свою очередь пишет строки, как кажется, ни в коей степени не утратившие, к сожалению, актуальности и сегодня – о «привычных стараниях» «прилепиться к надёжному прошлому в потерянной ностальгии, в лукавом приспособлении или, как

³ Антонов К.М., Ванчугов В.В., Герасимов Н.И., Забелин К.В., Малинов А.В., Маслин М.А., Порус В.Н., Сидорин В.В., Тесля А.А., Червяков Н.А., Шиндяпин А.В., Шпаковский М.В. Дискуссия «Проблемы преподавания истории русской философии в высшей школе» // Отечественная философия. 2024. Т. 1. № 2. С. 29–73.

⁴ Следует отметить, что как здесь, так и далее мы говорим об общей репрезентации истории отечественной философии в современном философском сообществе. Хочется подчеркнуть, что в историографии русской философии продолжали (и продолжают) происходить значимые события, выходить прорывные публикации, осуществляться фундаментальные издательские проекты, но, на наш взгляд, чем далее в XXI в., тем более становилось очевидным – особенно на контрасте с предыдущей эпохой, – что это уже скорее результат усилий отдельных энтузиастов и немногочисленных исследовательских групп и сообществ, узкопрофессионально связанных с обозначенной проблематикой.

⁵ Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 8.

⁶ Там же. С. 255.

чаще бывает, в смелом растаптывании того, что будто бы изжито, когда по честному не прочитаны даже Добролюбов и Ленин, не говоря уж о Чаадаеве и Толстом»⁷. Или, указывая ещё ранее, в тексте «Революция мало чему научила» (1990) – в одном из самых равнодушных и вместе с тем резчайших из когда-либо написанных текстов об истории русской философии и её положении в новейшей истории российской культуры:

Образ русской философии, сколоченный из её самых растрёпанных черт, космоизма, софиологии, символического мироощущения, соборности, и есть первая головная боль этой мысли [настоящей русской мысли]. Названные вещи у нас явно есть... Не успев стать делом мысли, эти вещи однако превращаются в знаки, под которыми не мысль, а новый активизм...⁸

Примечательно, что при всём различии философских темпераментов⁹ и критическом отношении к истории русской философии, оба так или иначе сознательно и последовательно – вопреки изменчивым веяниям интеллектуальной моды – соотносят себя с ней, реагируют на неё, откликаются, отталкиваются, – в общем, выстраивают целостное, регулярное, а не эпизодически обозначаемое отношение. Но при этом оба сознательно, а где-то, быть может, и невольно противостоят этой тенденции «простого повторения», оба понимают обречённость той стратегии, которая не то чтобы была выбрана – речь всё-таки идёт о некоординируемом множестве людей – а скорее стихийно (что не значит случайно) оформилась в качестве доминирующей – стратегии механического воспроизводства, блокирующей широкое распространение интерпретационных инноваций в качестве базовой стратегии.

Несмотря на отдельные попытки соблюдения необходимой критической дистанции и творческие усилия по актуализации концептуального аппарата русской религиозно-философской традиции, доминирующими – чем дальше, тем больше – становились модели интерпретации, языки описания, предложенные самой отечественной философской мыслью прошлого. При этом за скобки, например, выносилась – и выносятся – сама специфика культурно-исторической ситуации русской эмиграции XX в., во многом предопределившая её консервативно-культурные стратегии, направленные на формирование канона (канонов), чёткое самоопределение внутри него (них) и выстраивание соответствующих историко-философских

⁷ Бибихин В.В. После перерыва // Бибихин В.В. Другое начало. СПб., 2003. С. 157.

⁸ Бибихин В.В. Революция мало чему научила // Бибихин В.В. Другое начало, 2003. С. 180. Спустя тридцать пять лет после написания этих строк мы всё ещё испытываем крайний дефицит этого «честного прочтения» – прочтения, если не полностью свободного, то сознательно и последовательно пытающегося освободиться от навязываемых извне (в том числе самим материалом) схем и интерпретаций.

⁹ Хоружий – манифестативен, программнен: его работы – как и любая мысль манифестативного характера, претендующая на то, что задаёт какие-то принципиально иные, новые горизонты – неизбежно пунктирны во многих отношениях. Он как будто заранее знает не только результат, к которому идёт, но и все кочки и овраги на своём пути, по которому движется напрямую, напролом, минуя все возможные – не нужные ему – повороты, ответвления, параллельные тропинки и т.д., как будто всё время обуздывая свою мысль, ведя её в нужном ему, «программном», направлении. У Бибихина, как кажется, всё ровным счётом наоборот: у него как будто и вовсе нет заинтересованности в конечном результате, движение мысли, её «своеволие» оказывается как исходной точкой, так и итоговой целью. При этом при признании значимости национально-культурной проблематики оба вместе с тем надёжно вакцинированы от не в меру ревнивого национального чувства. Хоружий работает в плотном конфессиональном контексте, но сама его устремлённость к сердцевине, опорам, истокам, несущим конструкциям этого контекста (как он их понимает), как кажется, достаточно надёжно хранит его от соблазнов филетизма. Мысль Бибихина разворачивается с претензией на бытие в стихии чистого мышления (насколько вообще возможна эта чистота), что также предохраняет его от нездорового воодушевления внешними по отношению к философии обстоятельствами.

нарративов. Плотный и вполне конкретный культурно-исторический контекст ставил перед отечественной философской эмиграцией целый ряд прямо формулируемых ею политических и культурно-политических задач: будь то решение проблемы «русского рассеяния» через рефлексию над миссией эмиграции, борьбу с «распылением», «денационализацией» («Путь»), поиск путей «мучительного дела национального и социального самоопределения» («Новый град»), формулируемая в прямом противопоставлении с советской действительностью задача «действенного служения» русской культуре и русскому народу и политического («демократического») обновления России («Современные записки») или осмысление произошедшей исторической катастрофы и условий её преодоления («Русская мысль») ¹⁰. Эти примеры можно множить практически бесконечно – все они демонстрируют, что именно чувство политического момента во многом сформировало ту культурно-историческую рамку, в которой развивалась отечественная философская эмиграция и конструируемая ею собственная интеллектуальная генеалогия и историография.

Неудивительно, что это чувство остроты переживаемого политического момента, столь характерное для отечественной философской эмиграции, на определённом этапе вошло в резонанс с самоощущением уже совсем другой, но не менее остро переживаемой политической эпохи. Как неудивительно и то, что этот резонанс оказался иллюзорным, в общем и целом оставшимся, скорее, на чувственном, эмоциональном уровне: простое повторение пусть и исторически ценных и эвристически значимых, но *прежних* формул, органически рождённых в болезненном, парадоксальном, политически напряжённом – и как таковом уникальном и неповторимом (и до сих пор в подлинном виде не восстановленном) – контексте, не могло – и не может – привести к сколь-нибудь примечательным результатам. Творческая критика, действительно исследовательская, деконструирующая, реконтекстуализирующая, а не «механическая» рецепция отечественного философского знания, учитывающая и понимающая, но не принимающая его как отрефлексированный, так и скрытый политический контекст *в качестве своего*, так и не стала широкой исследовательской программой, платформой приложения коллективных исследовательских усилий, существуя лишь в виде отдельных и разрозненных попыток.

Доминирование «канона» и моделей самоописания, созданных религиозно-философской мыслью эмиграции, привело и к очевидному *искажению историографической перспективы*. Даже на уровне обычного словоупотребления под «русской философией», как правило, подразумевается вполне конкретный извод отечественной религиозно-философской мысли, оптика которого продолжает чуть ли не безраздельно доминировать в соответствующем академическом сообществе. Мы продолжаем воспринимать историю русской философии во многом так, как определённая версия русской философской мысли рассказала нам о ней и о себе самой. Как результат, целые области историко-философских изысканий фактически не существуют: исследования интеллектуальной культуры русского Средневековья ведутся только историками, филологами, славистами; богатейшая духовно-академическая философская традиция привлекает некоторое внимание только историков богословия; отечественная схоластика XVIII в. до сих пор является *terra incognita*; русский / советский марксизм, несмотря на былую влиятельность, не только не стал объектом систематического историко-философского анализа, но и вовсе почти пропал с академических горизонтов (за редкими опять же исключениями). Возможно,

¹⁰ См.: Духовные задачи русской эмиграции (От редакции) // Путь. 1925. № 1. С. 3–8; Новый град // Новый град. 1931. № 1. С. 3–7; От Редакции // Современные записки. 1920. № 1. С. I–II; К старым и новым читателям «Русской мысли» // Русская мысль. 1921. № 1–2. С. 3–5.

это искажение является и одной из причин того, почему история отечественной философии в советский период всё ещё не существует в качестве предмета целостного рассмотрения, несмотря на накопленный историко-философский материал и исследования отдельных сюжетов и персоналий.

В пресловутую «эпоху возвращения имён» довольно быстро стал очевиден возникший по естественным историческим причинам *концептуальный и методологический разрыв* отечественного философского наследия (и постсоветского философского сообщества) с современной философской мыслью, стремительно и значительно продвинувшейся во второй половине XX в. в самых различных направлениях. Интерпретационные инновации в саму «эпоху возвращения имён» были затруднены в силу понятного разрыва постсоветского философского сообщества с актуальной философией – разрыва, преодолением которого существенная – и зачастую наиболее амбициозная в своих исследовательских устремлениях – часть сообщества и занялась. В значительной своей части философская корпорация сосредоточилась на заполнении зияющих лакун и преодолении этого разрыва. Результаты этого активного освоения современной философской мысли, как кажется, достаточно очевидны – в общем и целом современное российское философское сообщество включено в мировой контекст: по крайней мере, все более или менее заметные философско-исследовательские программы и стратегии в той или иной степени реципированы в российской философии, получают в ней оперативный отклик и реакцию. Однако подобная «внутрикорпоративная миграция» в интересующем нас здесь отношении имела своим следствием своего рода *корпоративный разлом* – разделение соответствующего академического пространства на исследовательские группы, занимающиеся философской проблематикой, претендующей на актуальное значение, и сообщество, ориентированное на исследование отечественного философского наследия. За прошедшие десятилетия этот разлом, как кажется, уже институционализировался и активно самовоспроизводится в исследовательских и образовательных практиках. Это ещё более усугубило (в силу усиления блокировки интерпретационных и контекстуальных инноваций) маргинальное положение отечественного философского наследия в современных российских дискуссиях и, соответственно, сообщества историков русской философии в философском академическом пространстве.

Есть, на наш взгляд, ещё одно обстоятельство, сильно затруднившее – и продолжающее затруднять – творческую актуализацию отечественной философской мысли. Последняя во многих своих проявлениях традиционно уделяла значительное внимание осмыслению исторического пути России, её места и смысла в истории, социально-политической проблематике – акцент, как уже отмечалось выше, существенно усиленный эмиграцией первой половины XX в. в силу самого её культурно-исторического положения, – что привело к тому, что история русской философии есть пространство чрезвычайного политического напряжения. Это в свою очередь привело и приводит к тому, что оценка отечественного философского наследия зачастую напрямую коррелирует с политической позицией самого исследователя. Оценки политического прошлого России, её настоящего, представления о должном будущем, – иными словами, личные политические симпатии со свойственным им эмоциональным фоном сплошь и рядом продолжают предопределять исследовательское отношение к русской философской мысли прошлого: многие понятия, направления, имена превратились в своего рода пароли для политического опознавания «своих» и «чужих». Эта политизация дисциплинарного пространства формирует парадоксальную ситуацию, когда история русской философии оказывается лишена статуса предмета достойного приложения исследовательских, интерпретационных усилий одновременно с двух сторон – со стороны тех, кто принял для себя её оценку в качестве архаики, но и тех, кто точно также – по умолчанию –

не считает необходимыми подобные усилия, заняв позицию своего рода ретроспективной утопии. Думается, что и с той, и с другой стороны проявляется один и тот же – пусть и с разным знаком – результат – своего рода безропотное следование навязываемой самим материалом повестке. Превращение истории русской философии в средство политического самоопределения и поле соответствующих политических баталий – обстоятельство, чрезвычайно мешающее нормальному развитию как истории русской философии (как историко-философской дисциплины), так и её творческому взаимодействию с иными областями философского знания.

К примеру, один из наиболее ключевых, «общих» вопросов истории русской философии – проблема её национальной специфики, рассматриваемая одними группами исследователей как иллюзия, другими – как врождённый порок, третьими – как преимущество, привилегия и одновременно заданная цель. При этом само это вопрошание о специфике национального философствования почти всегда оказывается – скрытно или явно – заключено в политический контур. Не оспаривая саму правомочность и возможную общественно-политическую плодотворность таких дискуссий, как и их серьёзную укоренённость в историографии русской философии (достаточно вспомнить существенное напряжение, свойственное в этом отношении различным «Историям» русской философии – Г.Г. Шпету, Б.В. Яковенко, В.В. Зеньковскому, Н.О. Лосскому и др.), отчётливо ощущаемое доминирование этой темы (часто неартикулируемое, но подразумеваемое не только апологетами национальной специфики, но и, наоборот, её критиками) всё более выступает на данный момент в качестве замкнутого круга, который вновь и вновь навязывает бинарную логику в оценке современных перспектив отечественной философской истории. Разумеется, политическое в полной мере неустранимо ни из исследовательской позиции, ни из самого «материала», насыщенного соответствующим напряжением. Однако идти на поводу материала, беспрекословно следуя его интенциям (или, наоборот, сходу отменяя их как несущественные) и, по-видимому, наслаждаясь резонансом собственной политической системы координат и исследуемого материала (а куда чаще придумывая себе этот резонанс) – это всё-таки не то, что подразумевается исследовательской позицией, предполагающей критическую дистанцию, рефлексию, отстранённость, в том числе – насколько это возможно – от собственной политической позиции. Иными словами, необходимо, на наш взгляд, отчётливо понимать, что многочисленные работы о национальной специфике (см., например, соответствующие работы о «русской идее», «русском мировоззрении», «русском характере» и т.д. и т.п. С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского и мн. др.), возможно, никогда и не были бы написаны (по крайней мере, в том виде, в котором они существуют), если бы не вполне конкретная политическая и культурно-историческая ситуация, инаковость которой по отношению к нам мы не можем не учитывать; а с другой стороны, вряд ли возможно считать, что это направление отечественной мысли было детерминировано исключительно данной ситуацией. Однако в любом случае бесконечные, *политические* по своему характеру и изначальным установкам дискуссии не выглядят тем средством, благодаря которому отечественное философское наследие может быть актуализировано как *философское*, а не общественно-политическое или культурологическое знание.

Н.О. Лосский вспоминал, как в 1923 г. получил предложение написать в лондонский журнал “*Slavonic Review*” статью о Владимире Соловьёве и его влиянии на русскую философскую мысль:

Взявшись за эту работу, я впервые прочитал большую часть произведений Соловьёва, кн. С. Трубецкого, кн. Е. Трубецкого, о. С. Булгакова, Бердяева. Здесь впервые для меня открылась значительность русской философии, поскольку в ней ряд талантливых и высокообразованных лиц стремится выработать христианское мировоззрение. С этих пор я стал много времени уделять русской религиозной философии,

познакомился с произведениями И.В. Киреевского, Хомякова и стал читать все труды современных русских религиозных философов¹¹.

Один из эмигрантских классиков русской философии и её историографии (его «История» выйдет почти тридцать лет спустя после начала соответствующих историко-философских изысканий) признаётся, что обнаруживает в русской философской мысли предыдущих десятилетий достаточно целостную и специфическую философскую традицию (а также – неожиданно для себя – свою близость к философии Владимира Соловьёва) уже после того, как фактически сложился в качестве самостоятельного и оригинального автора. Это пишет автор уже опубликованных на тот момент «Обоснования интуитивизма» (1906), «Мира как органического целого» (1917) – фигура, неизменно относимая нами к русской религиозно-философской традиции, что ярко подчёркивает как органичность философских исканий и устремлений того поколения (тех поколений) интеллектуалов, без какой-либо философско-идеологической предзаданности разворачивающих собственный философский поиск в прямом и зачастую полемическом диалоге как с западной, так и восточной мыслью, так и сомнительность попыток ориентации в философском поиске на специфику как самоцель и обоснования этих попыток ссылкой на интеллектуальный опыт отечественной философской эмиграции. Лосский – и не только он – не искал специфики, не исходил из неё в качестве некой данности, предпосылки, жёстко детерминирующей дальнейшее движение творческих поисков – она, как результат исследовательского обобщения, обнаруживалась в осмыслении прошлого интеллектуального опыта, а не в качестве актуальной философской задачи как таковой, в подобной формулировке попросту невозможной иначе, чем в виде примитивной и эвристически бесплодной по своему содержанию и механике идеологемы. Только максимально возможное освобождение истории русской философии от политической и идеологической предзаданности в её оценках (в том числе – а, пожалуй, и в первую очередь – от предзаданности, диктуемой самой русской мыслью прошлого) может, на наш взгляд, сделать её частью современного философского поиска.

Указанные проблемы – концептуальный и методологический разрыв отечественного философского наследия с гуманитарным знанием второй половины прошлого столетия, корпоративный разлом внутри российского философского сообщества, радикальная политизация дисциплинарного пространства истории русской философии – привели и к снижению напряжения соответствующей историко-философской работы. Ещё раз подчеркнём, что речь идёт об общей ситуации, общем фоне, что не отменяет очевидного факта отдельных историй исследовательского успеха. Однако массовый интерес к истории русской философии, характерный для 1990-х гг., так и не сменился дифференциацией и углублением исследовательских программ и подходов. На это наложился и целый ряд иных причин. Во-первых, определённая институциональная слабость истории русской философии как учебной дисциплины: сложившаяся научно-образовательная практика фактически редуцировала её функционал к общему историческому ознакомлению и культурной социализации, который выполняется при этом на основе простой ретрансляции устоявшихся схем, моделей и паттернов. Академическое историко-философское освоение отечественного наследия в значительной степени блокируется и спецификой российского философского образования, как правило, не предполагающего даже элементарной подготовки в области архивных исследований, источниковедения, текстологии, научного комментирования и иных крайне необходимых для подготовки критических изданий дисциплин. Примечательно в этом отношении, что

¹¹ Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Отв. ред., предисл. и примеч. В.Н. Лосского. München, 1968. С. 225.

существенная часть самых заметных успехов последних десятилетий в историографии русской философии связана с исследователями, имеющими базовое историческое, филологическое, религиоведческое образование. Во-вторых, целый ряд неблагоприятных социальных факторов – общий кадровый кризис в российской науке, тенденция ко всё большей научной специализации, давление наукометрических показателей. В-третьих, играет негативную роль и иллюзорная доступность отечественного историко-философского материала, так «удачно» совпавшая с господством наукометрии: по запросу «русская философия» база Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) выдаёт более 119 000 (!) материалов за 2000–2024 гг., существенная часть которых, однако, не даёт действительного приращения историко-философского знания и имеет стремящуюся к нулю эвристическую ценность.

В итоге отечественное философское наследие существует сейчас преимущественно в трёх пересекающихся друг с другом модусах – *юбилейно-мемориальном*, *политико-идеологическом* (точнее было бы сказать «псевдоидеологическом», поскольку действенные политические и идеологические ориентиры также не творятся заклинательным повторением прежних формул, к чему зачастую и сводится «общественно-политический» разговор о русской философии) и *спекулятивно-инерционном*, основанном на механическом воспроизведении старых сюжетов, аргументов, ходов, в лучшем случае сопровождаемом лишь общими, дежурными словами об их, дескать, непреходящей актуальности. При этом каждый из этих трёх модусов основывается на ярко выраженном ретроспективном векторе. А то относительное внимание, которое история русской философии получила в последние несколько лет в средствах массовой информации и общественном сознании, парадоксальным образом привело на данный момент к формированию скорее неблагоприятного фона, усугубляющего указанные выше проблемы, поскольку и массовое сознание, и медиа склонны в своём интересе подстраиваться именно под указанные модусы, ориентируясь на юбилейные моменты, стереотипы и устоявшиеся оценки, а также политическую актуализацию на злобу дня.

Однако при всей понятности и своего рода логической оправданности этих модусов существования – юбилейно-мемориального как части важнейшей политики национально-культурной памяти, политико-идеологического как результата присутствующего нашему времени политического напряжения, спекулятивно-инерционного как следствия специфики институциональной организации российского философского сообщества и страниц его недавней истории – их абсолютное, как нам видится, господство привело историю русской философии как научную и научно-образовательную дисциплину к глубокому кризису. Его преодоление, как нам кажется, возможно на путях решения указанных выше проблем. Необходима, во-первых, последовательная и скрупулёзная ревизия моделей, языков самоописания, созданных прошлой историографией русской философии, которая не может не остаться – в силу своего значения – классической частью отечественного философского наследия, но не должна выступать принимаемым по умолчанию основанием современных исследований. Во-вторых, отказ от радикальной политизации русской философской мысли, загоняющей её в замкнутый круг, бесконечно воспроизводящий болезненные комплексы и травмы Серебряного века, русской философской эмиграции и «эпохи возвращения имён». В-третьих и, вероятно, в главных, в переформатировании дисциплинарного ландшафта истории русской философии как научно-исследовательской области, что могло бы быть связано с постепенным усилением иных исследовательских стратегий – академического, *критического историко-философского освоения* и *научной* актуализации в современном философском контексте, – стратегий, которые сейчас реализуется только благодаря отдельным и разрозненным попыткам, предпринимаемым зачастую вопреки всем обстоятельствам, а не выступают в качестве базовых.

Только академическое освоение истории русской философии, как и прежде стоящее в повестке дня, но уже давно утратившее, как кажется, былую живость и амбиции, способно представить отечественное философское наследие в его полемической напряжённости, обилии конкретных «привязок» к культурно-историческому контексту, в многочисленных неувязках и натяжках, тем самым закладывая основы для серьёзного исследовательского разговора, а не торжественных мемориальных воспоминаний или злободневных политических дискуссий. Подобная работа не только реконструирует метатекст, окружающий то или иное философское произведение, автора, направление, концепцию, что выступает базовым условием для действительного понимания авторского замысла и механики его реализации, но и обогащает эвристический потенциал для возможных интерпретаций и концептуальных находок для научной актуализации. Активный исследовательский поиск новых оптик и моделей прочтения, языков описания для (ре)интерпретации истории русской философии выступает в свою очередь базовым условием подлинной актуализации отечественной философской мысли, будущие успехи и неудачи которой вряд ли возможно предугадать. Но только такой поиск может превратить историю русской философии из ценного архива национальной философской культуры в часть её творящегося сегодня настоящего.

Обе эти стратегии – бережное и скрупулёзное отношение к изначальному контексту мысли и его изъятие, осуществляемое в той или иной степени через радикальную реконтекстуализацию, дополняют друг друга, противостоя ставшей, к сожалению, общим местом сознательной или невольной архаизации отечественного философского наследия и выступая возможным основанием для преодоления указанных выше разрывов и разломов.

Список литературы

- Антонов К.М., Ванчугов В.В., Герасимов Н.И., Забелин К.В., Малинов А.В., Маслин М.А., Порус В.Н., Сидорин В.В., Тесля А.А., Червяков Н.А., Шиндяпин А.В., Шпаковский М.В. Дискуссия «Проблемы преподавания истории русской философии в высшей школе» // Отечественная философия. 2024. Т. 1. № 2. С. 29–73.
- Бибихин В.В. После перерыва // Бибихин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 157–169.
- Бибихин В.В. Революция мало чему научила // Бибихин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 179–181.
- Духовные задачи русской эмиграции (От редакции) // Путь. 1925. № 1. С. 3–8.
- Козырев А. Русская философия: model d'emploi // Неприкосновенный запас. 2002. Вып. 2 (22). URL: <https://web.archive.org/web/20030610201400/http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/kozyr.html> (дата обращения: 24.08.2024).
- К старым и новым читателям «Русской мысли» // Русская мысль. 1921. № 1–2. С. 3–5.
- Кырлежев А. Русская религиозная философия: около церковных стен // Неприкосновенный запас. 2002. Вып. 2 (22). URL: <https://web.archive.org/web/20131102123635/http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/kyr.html> (дата обращения: 24.08.2024).
- Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Отв. ред., предисл. и примеч. В.Н. Лосского. München: Wilhelm Fink Verlag, 1968. 334 с.
- Новый град // Новый град. 1931. № 1. С. 3–7.
- От Редакции // Современные записки. 1920. № 1. С. I–II.
- Плотников Н. Философия для внутреннего употребления // Неприкосновенный запас. 2002. Вып. 2 (22). URL: <https://web.archive.org/web/20030611070621/http://magazines.ru/nz/2002/22/plotnjik.html> (дата обращения: 24.08.2024).
- Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 448 с.

On Bad Infinity, or History of Russian Philosophy at the End of the First Quarter of the 21st Century

Vladimir V. Sidorin – Candidate of Sciences, research fellow, Head of the Department of the History of Russian Philosophy. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vlavitsidorin@yandex.ru

During the second half of the 1980s and 1990s, there was a pronounced surge of interest – both among the general public and the professional community – in the history of Russian philosophy. However, by the beginning of the 21st century, this interest remained in fact only among those who connected their professional trajectory with this subject area. At the same time, as a rule, it was about historical and philosophical research: the question of the Russian philosophical heritage as a space of critical and creative reception seemed to have even ceased to be raised – the “era of the return of names” was replaced by disappointment. This was caused by a whole complex of painful and complicated reasons: the dominant strategy of mechanical reproduction, which largely blocked the spread of interpretative innovations; the revealed conceptual and methodological gap between Russian philosophy (both its heritage and the modern professional community at that time) and modern philosophical thought; a false resonance between the cultural and historical situation of emigration, which largely determined its conservative strategies in the field of philosophy and its historiography, and a new, acutely experienced political and cultural era; radical politicization of Russian philosophy, again and again imposing binary logic in assessing the modern prospects of Russian philosophical history. In the 2000s the situation was aggravated by a sort of corporate rift, as well as a number of other circumstances – a decrease in the tension of the relevant historical and philosophical work, a general shortage of ambitious research programs, the pressure of scientometric policy, which “successfully” coincided with the illusory accessibility of the Russian philosophical heritage. Ultimately, at the end of the first quarter of the 21st century the history of Russian philosophy as a scientific and scientific-educational discipline exists in three overlapping modes – jubilee-memorial, political-ideological and speculative-inertial, each of which is based on a retrospective vector. Overcoming the crisis in the history of Russian philosophy could be associated with a consistent revision of the models and languages of description created by previous historiography, the rejection of radical politicization of the Russian philosophical heritage, reformatting the disciplinary landscape through the transformation of academical-critical historical and philosophical studies and scientific actualization in a modern philosophical context into basic research strategies.

Keywords: history of Russian philosophy, Russian philosophical emigration, “the era of the return of names”, canon, depoliticization of philosophy, distortion of historiographical perspective, re-contextualization

For citation: Sidorin, V.V. O durnoi beskonechnosti, ili Istoriya otechestvennoi filosofii na ishode pervoi chetverti XXI veka [On Bad Infinity, or History of Russian Philosophy at the End of the First Quarter of the 21st Century], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 3, pp. 5–16. (In Russian)

References

Antonov, K.M., Vanchugov, V.V., Gerasimov, N.I., Zabelin, K.V., Malinov, A.V., Maslin, M.A., Porus, V.N., Sidorin, V.V., Teslya, A.A., Chervyakov, N.A., Shindyapin, A.V., Shpakovskii, M.V. *Discussion «Problemy prepodavaniya istorii russkoi filosofii v vysshei shkole»* [Discussion “Problems of Teaching the History of Russian Philosophy in Higher Education”], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 1, No 2, pp. 29–73. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Posle pereryva* [After the Break], in: *Bibikhin V.V. Drugoe nachalo* [Another Beginning]. St. Petersburg: Nauka, 2003. P. 157–169. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Revolutsiya malo chemu nachila* [The Revolution Has Taught Us Little], in: *Bibikhin V.V. Drugoe nachalo* [Another Beginning]. St. Petersburg: Nauka, 2003. P. 179–181. (In Russian)

Dukhovnye zadachi russkoi emigratsii (Ot redaktsii) [The Spiritual Tasks of Russian Emigration (From the Editorial Board)], *Put'* [The Way], 1925, No. 1, pp. 3–8. (In Russian)

Kozyrev, A. Russkaya filosofiya: model d'emploi [Russian Philosophy: model d'emploi], *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Ration], 2002, No. 2 (22). URL: <https://web.archive.org/web/20030610201400/http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/kozyr.html>. (In Russian)

K starym i novym chitatel'nyam "Russkoi mysli" [To Old and New Readers of "Russian Thought"], *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1921, No. 1–2, pp. 3–5. (In Russian)

Kyrlezhev, A. Russkaya religioznaya filosofiya: okolo tserkovnykh sten [Russian Religious Philosophy: Near the Church Walls], *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Ration], 2002, No. 2 (22). URL: <https://web.archive.org/web/20131102123635/http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/kyr.html>. (In Russian)

Losskii, N.O. *Vospominaniya. Zhizn' i filosofskii put'* [Memories. My Life and Philosophical Way], ed. by V.N. Lossky. München: Wilhelm Fink Verlag, 1968. 334 p.

Novyi grad [A New City], *Novyi grad* [New City], 1931, No. 1, pp. 3–7. (In Russian)

Ot Redaktsii [Some Notes from Editorial Board], *Sovremennye zapiski* [Contemporary Notes], 1920, No. 1, pp. I–II. (In Russian)

Plotnikov, N. Filosofiya dlya vnutrennego upotrebleniya [Philosophy for Internal Use], *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Ration], 2002, No. 2 (22). URL: <https://web.archive.org/web/20030611070621/http://magazines.ru/nz/2002/22/plotnjik.html>. (In Russian)

Khoruzhii, S.S. *Posle pereryva. Puti russkoi filosofii* [After the Break. Russian Philosophy's Ways]. St. Petersburg: Aleteiya, 1994. 448 p.